Николаус Катцер

Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-206-230

На протяжении нескольких десятилетий, исходя из различных перспектив, ведутся дискуссии о том, в чем заключалось «советское» в истории России в XX веке и насколько советское было «социалистическим». При этом ставятся под сомнения старые истины о прочности того, что называется «советским наследием» или «советской традицией». При реконструкции взаимодействия символов, праздничной культуры, ритуалов и конвенций в повседневности советских людей важные моменты может прояснить анализ физической культуры (физкультуры) и спорта. Ведь оба этих элемента современной культуры выполняли важные функции для самопонимания и образа советской системы как внутри, так и вовне. На протяжении десятилетий им приписывались различные качества с разной степенью значимости, способствующие формированию общности, укрепляющие идентичность, репрезентационные или же исключительно рекламные. Они были конститутивными для проектов будущего общественного порядка и новой антропологии. С ними были связаны специфическая преемственность с предшествующим развитием и представление о привлекательности и молодости советской модели. Когда после Второй мировой войны координаты социалистического образа жизни в странах развитого социализма, входивших в Восточный блок, были заново определе-

Катцер Николаус — немецкий историк, в 1996–2010 гг. профессор истории Гамбургского университета им. Гельмута Шмидта, с 2010 г. директор Германского исторического института в Москве.

Nikolaus Katzer — German historian, History Professor in Helmut Schmidt University in 1996-2010, the director of the German Historical Institute Moscow since 2010.

Перевод с немецкого Олега Кильдюшова, выполнен с оригинала: Katzer N. (2012) Die sportive Gesellschaft als ideale Ordnung. Zum sowjetischen Konzept der Körperkultur. B. Pietrow-Ennker (Hrsg.) *Russlands imperiale Macht. Integrations perspektiven und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive,* Wien; Köln; Weimar: 85-102. Публикуется с любезного разрешения автора.

ны и в конечном счете зафиксированы, физкультура и спорт бесспорно относились к его несущим опорам.

Наряду с исследованием крупных периодов советской эпохи в недавних дебатах все больше затрагивается целостность истории России в XX веке. В формуле «стремительное движение социализма» и таких понятиях, как «роботы-атлеты» или «спортивное чудо», проявляется высокая значимость спортивной метафорики в само- или внешних описаниях системы. Одновременно в них звучит восхищение ее способностью эффективно концентрировать ресурсы, целенаправленно применять научную экспертизу и разрабатывать альтернативные методы оптимального физического развития. Между тем этот функциональный механизм советского «спортивного тела» указывает на сращивание социалистической системы с ее идеологическими конкурентами, которые схожим образом пытались достичь совершенства с помощью науки и техники. На всех уровнях утверждался примат планирования. Близкая к военной модель порядка служила во внутренней политике в качестве инструмента *социальной инженерии*.

В международных отношениях «спортивная дипломатия» заняла еще плохо регулировавшееся пространство, значимость которого стремительно росла [Washburn, 1955/1956]. Однако спортивная история позволяет увидеть не только оригинальный мобилизационный и интеграционный потенциал или внешнеполитического помощника. Современная физическая культура также создавала пространства для девиантного коллективного поведения и индивидуальных практик. Субкультуры и альтернативные миры в поле напряжения между регламентированным и неупорядоченным пространствами указывают на проходимость границ в советской общественной модели и на проблематичность структур власти.

В истории спорта и физической культуры отражается эта амбивалентность между инструментализацией и автономизацией. Применительно к отсталой периферии современные двигательные концепты могли использоваться в качестве рычага для продвижения превосходящей имперской культуры. Благодаря им урбанистические центры имперского ядра представали в качестве источника прогресса, дисциплины и порядка. Советская власть рано увидела заманчивый потенциал, дремавший в дореволюционном спортивном движении, присвоила его себе и превратила в мягкую стратегию культурного доминирования. Одновременно гетерогенный и мультифункциональный спорт высвобождал динамические энергии и открывал неизвестные пространства. Благодаря широкому предложению новых культурных символов и телесных практик с их собственными богатыми ассоциациями подрывалась унифицирующая монополия аппарата власти на интерпретацию.

Тем самым нормативная советская цивилизация и современное спортивное общество могли не совпадать друг с другом полностью. То, что, с одной стороны, годилось для мобилизации, интеграции и утверждения новых смыслов, с другой — способствовало процессам индивидуализации и дифференциации. Спорт выступал в качестве мотора межкультурной коммуникации как между Западом и Востоком, т. е. между коммунистическим и капиталистическим мирами, так и между регионами самой советской империи. Таким образом, конкурирующие спортивные системы скорее обуславливали, нежели разграничивали друг друга. Невзирая на взаимные притязания на исключительное право репрезентировать настоящий и истинный спорт, каждый из них по-своему являлся актором телесно-культурной революции XX века. Их соперничество лишь ускорило стремительное превращение спорта в глобальный феномен.

Государство рабочих и спортивный социализм

Для мифа об основании советского спорта «пролетарское» является не менее конститутивным, чем для нарратива о первом социалистическом государстве в мировой истории. И было не важно, что рабочие представляли незначительное меньшинство в крестьянском обществе. Педагогическая программа молодой советской власти по развитию физкультуры включала в себя обещание построить идеальное будущее без этнических, национальных и культурных ограничений. Между тем вокруг пролетарского ядра физкультуры разгорелся ожесточенный спор, продолжавшийся вплоть до 1930-х годов. Семантика современного спорта была неопределенной. Кто ее определял, тот и устанавливал, что такое «пролетарское». Не социальные диспозиции, а целевые определения властных инстанций определяли правильность аргументов. Последней точкой этого переговорного процесса стала бюрократическая кодификация концепта спорта, который должен был быть конкурентоспособным на международной арене [Keys, 2006]. Однако поскольку условиями для этого были признание общих для всех систем правил и стандартов, готовность к постоянной коммуникации с внешним миром и толерантность к культурному трансферу, советский спорт оказался подвержен влияниям, которые затрагивали всю общественную систему. В этом заключались риски, но, казалось, ими можно пренебречь ввиду гораздо большей выгоды.

Для вопроса о соотношении спорта и социализма — и тем самым об особенностях советского варианта физической культуры — действительно определяющими были решения, принятые в 1930-е годы. Физическое воспитание было подчинено жесткому принципу

максимального результата при экономии затрат и мобилизационным потребностям государства. Это означало фактический конец разнообразных экспериментов в ранней советской двигательной культуре. Они включали в себя курсы военно-спортивной подготовки юношей и будущих призывников, обучение различным психотехникам или биомеханические лабораторные опыты [Vaingurt, 2008; Rüting, 2002].

Физкультура в 1920-е годы еще подразумевала все дореволюционное наследие гимнастических сообществ, командных и индивидуальных видов спорта, состязаний и игр для досуга[1]. Крайне амбициозным делом была сама попытка из всего этого богатства вычленить некий «пролетарский спорт». Фактически поначалу советская модель была не такой уж новой. Дебаты о том, что говорит за, а что против спорта как социального мероприятия, велись вряд ли иначе, чем до революции. В конце концов новый концепт истощился до канона желательной, приличной и морально не вызывающей сомнений физической активности. Без парадоксальных компромиссов и многократных корректур подобная фиксация была невозможна.

Так, например, футбол и бокс с трудом соответствовали постулатам о «здоровом» и «гигиеническом» движении, однако пользовались бо́льшей популярностью. В советской физкультуре были аккумулированы более или менее совместимые элементы современных телесных упражнений и заботы о здоровье, начиная с эвритмии и характерного танца и заканчивая военизированными построениями и человеческими пирамидами [Stites, 1989, p. 145-164]. Они или были опробованы внутри страны, или заимствовались из мирового спорта. Популярные виды можно было лишь скрыть от общественности, но не запретить. Их просто не поддерживали, и они развивались за кулисами официальной спортивной сцены. Собственная жизнь этих «скрытых» видов спорта относится к проблематичной части истории советской двигательной культуры.

Еще в годы Гражданской войны по указанию Народного комиссариата здравоохранения активисты проводили кампании в поддержку здорового образа жизни, профилактики, гигиены и евгеники под лозунгами «Солнце, воздух, вода и естественное движение — лучшие пролетарские врачи!» или «Физкультура — 24 часа в день!». Солдатам, рабочим и крестьянам напоминали о том, что светлое будущее и новая жизнь начинаются в обыденности настоящего. Обливаться холодной водой, пользоваться зубной щеткой или соблюдать антиалкогольный закон — все это относилось к доб-

1 О спорте в период империи см.: [Хмельницкая, 2011; McReynolds, 2003].

родетелям пролетария [Starks, 2008][1]. Пуристы индивидуального воспитания резко отделяли «мягкую» физкультуру от агонального «спорта». По их мнению, последний основывался на присущей западному буржуазному обществу идее конкуренции и противоречил пролетарской морали.

Ожесточенные споры такого рода вполне соответствовали опыту немецкого гимнастического движения или чешского «Сокола». Так что они не являются чем-то необычным, а лишь отражают всю амбивалентность и динамику современных двигательных культур [Krüger, 1996; Ruffini, Sivulka, 2005]. Немецкие гимнасты в свое время прямо отграничивали себя от английского спорта. В результате этого процесса прояснения во второй половине XIX века возник «рабочий спорт», ставший на десятилетия важной частью современной физической культуры. Организованный в 1893 г. в Рабочий гимнастический союз (Arbeiter-Turnerbund), он пытался разработать собственный профиль и утвердиться в качестве третьей модели наряду с концептом гимнастики Яна и буржуазным конкурентным спортом. При этом на него оказывали влияние представления о «культуре тела» как единстве физических, ритмических и мусических элементов. Однако постепенно — наряду с разными видами гимнастики, танцем, акробатикой и атлетикой — утверждались новые технические виды и игры в мяч.

Вожди рабочих и социалистические интеллектуалы оказывались в затруднительном положении, когда пытались из этого многообразия исключить все, что подозревалось в связях со спортом и капиталистическим способом производства, а также в воспроизводстве его механизма технических инноваций. Если эти связанные с классовой борьбой нотки затихли или стали неактуальными для международного рабочего спорта, поскольку притягательность спорта оказывала диффузное влияние, то в советском коммунизме и странах государственного социализма они сохранялись гораздо дольше в качестве образца легитимации.

В постреволюционной России в сжатом по времени и избирательном по содержанию виде повторилась полемика с противоречивым античным наследием, с его националистической переформулировкой в XIX веке и с его модернистским преодолением в начале века XX. При этом развитие теории не успевало за ускоренной дифференциацией форм физической активности. Множество нормативных пособий и учебников полемизировало против «буржуазной» модели спорта, но при этом в практической части следовало дореволю-

1 В более широком контексте эта проблематика рассматривается в работах: [Bernstein et al. 2010; Michaels, 2003; Cavanaugh, 2001].

ционным русским или современным международным образцам. Лишь немногое от противоречивого дискурса о телесных практиках и кинетических инновациях пережило десятилетие экспериментов после революции. Его место заняли гибридные стратегии легитимации, которые должны были навести мосты между «здоровой» физической культурой и «атлетическим» спортом». Они как бы дублировали сложные социально-экономические обоснования Новой экономической политики.

В любом случае концепт «отца русской гимнастики» Петра Францевича Лесгафта (1837–1909), многообразие традиционных игр в бывшей империи, крупноячеистая сеть основанных или инициированных главным образом англичанами клубов, а также скаутское движение послужили советскому спорту в качестве незаменимой исходной организационной базы. Даже идея «Всеобщего военного обучения» (Всевобуч), согласно которой начиная с весны 1918 г. все молодые мужчины должны были пройти физическую подготовку к службе в Красной армии, и другие военизированные структурные элементы раннего советского государства следовали вовсе не социалистической традиции, а опыту Первой мировой войны [Sanborn, 2003, p. 137-139].

В целом речь шла о попытке функционального изобретения модели спорта, которая казалась большевистской и позже сталинистской воспитательной и мобилизационной диктатуре подходящим средством общественной и политической коммуникации [См. об этом: Priestland, 2007]. В дальнейшем это превратилось в систематическую разработку гибкой технологии власти. Ее сила заключалась в притягательности спорта для масс. Несмотря на все многообразие спорта, его идеологи верили в якобы очевидный упорядочивающий потенциал. При этом конструкт социалистического соревнования имитировал не столько своего «капиталистического» визави, сколько отдавал должное имманентному спорту по агональному принципу. Тем самым он противоречил атрибутам международного «рабочего спорта», который в действительности пытался создать альтернативную физическую культуру [Gournot, Riordan, 1998]. С образованием Красного спортивного интернационала произошел раскол. Советский Союз стремился в одиночку составлять конкуренцию «буржуазному» Олимпийскому движению, однако тем самым он сделал важный политический шаг в направлении интеграции в мировой спорт [Gournot, 2002; Krüger et al., 1996]. Ведь после 1928 г., когда Спартакиада (в Москве) в последний раз выступала в качестве альтернативы Олимпиаде (в Амстердаме), претендуя на исключительное право представлять «истинный» спорт, «пролетарское» постепенно отслаивалось и — в рамках этнонациональной установки — превращалось в «советское». Отныне все были равны перед лицом государственного устройства советского спорта.

Совершенствование форм и отклонение от «нормы»

В дебатах о физической культуре и спорте проявлялись противоречивые политические интересы различных групп. Лишь после того как этот конфликт был урегулирован политически, стало возможно создать иерархическую систему руководства, отбора и оценки кадров по обязательным критериям. После решения об ускорении строительства социализма в конце 1920-х годов спортивный элемент физической культуры оказался в центре внимания. Идея результата из экономики проникла в физическое воспитание. Под лозунгом «Быстрее, выше, сильнее!» страна Советов должна была перепрыгнуть в индустриальную эпоху. Атлетичные и здоровые трудящиеся в быстром темпе маршировали вперед, перестраивали страну, превращая настоящее в будущее. Красота и сила социализма соединились в совместном труде. В спортсменов, участвовавших во всесоюзных соревнованиях, должна была вливаться вся энергия советской империи.

Однако коллективизм и униформированность не впервые дополняли друг друга. Начиная с Гражданской войны взаимосвязь между подготовкой призывников, армейским спортом и парадами составляла важное ответвление общественной репрезентации. Здесь было предугадано, что в 1930-е годы получило оформление в виде величественной панорамы. Спортивные мотивы заняли в этом центральное место. Они симулировали модерность. Позже рабочие олимпиады и спартакиады 1920-х годов выдавались за укорененных в традиции предшественников социалистического «универсального произведения искусства» (Gesamtkunstwerk), получившего в грандиозных спортивных парадах свою завершенную форм и ритм. Созданные вновь спортивные органы выступали в качестве связующего звена между администрацией и обществом. Они объединяли под одной крышей массовые организации вроде комсомола или профсоюзов, развернувших собственные спортивные комплексы. В этом заключались подходы к созданию оздоровительной и соревновательной системы *sui generis*. Политика в области тела и спортивная практика должны были идти рука об руку при осуществлении государственного наступления в области интеграции. Исходя из убежденности в том, что спорт может выступать в качестве мотора для всего социалистического строительства, были разработаны целевые и систематические программы по коллективному физическому оздоровлению.

Аналогии с современными диктатурами в Европе очевидны. Несмотря на взаимоисключающие друг друга идеологии, они в равной мере последовательно и затратно делали ставку на притягательность спортивного спектакля [Mangan, 1999; Falasca-Zamponi, 1997].

«Масса» представала в виде возвышенного единства и гармонии. Ее строевой шаг должен был излучать силу, решимость и монументальность. В этой перспективе стирались границы между униформой и спортивным трико. Вооруженный спортсмен и спортивный солдат были взаимозаменяемы. Тем не менее телесные инсценировки в отдельных странах, несмотря на схожесть форм и образцов, демонстрировали заметные различия в целеполагании и воздействии: во время социалистического массового празднества быстро меняющиеся человеческие построения и сопровождающие их политические лозунги сигнализировали о стремлении власти транслировать идеи порядка, безопасности и единства обществу, потрясенному в своих основаниях [Petrone, 2000; Rolf, 2006; Малышева, 2005].

Например, при сталинизме игра в футбол была стилизована под коллективный миф. По аналогии с семейной идеологией той эпохи метафорика спорта служила тому, чтобы маркировать отклоняющееся поведение и угрожать изгнанием из защищающего «дома» (стадиона) [Livers, 2001, p. 592-613][1]. Если внутреннее, закрытое пространство давало защиту и безопасность, то во внешнем, незащищенном пространстве царили хаос и смерть. В символическом языке спорта отражался реальный мир, создавая подобие действительности [Lotman, 2010, s. 258-269][2]. В нормативном каталоге общественно одобряемых способов поведения (*культурность*) лишь избранные элементы физкультуры — наряду со ставшим отныне предпочтительным спортом — пережили определенный ренессанс[3]. В сравнении с этим в национал-социалистической хореографии господствовала идея судьбы вперемешку с «народным сообществом» и расово-идеологическим культом борцов. Как в одном, так и в другом случае движение и искусство соединились в рамках специфической массовой эстетики. Спорт стал образцом беспечной, свободной и прекрасной жизни, которую, правда, еще только предстояло создать тяжелым трудом и защитить от подстерегающих повсюду врагов [Gaßner, Gillen, 1994].

До сих пор не проведено систематического сравнительного исследования спортивных мотивов в семиотике и метафорике диктатур и авторитарных режимов XX века, как и демократических обществ. Подобно итальянскому фашизму и германскому национал-социализму, сталинский режим также связывал далеко идущие полити-

1 Ср. [Borenstein, 2000, p. 125-161] (на примере романа Юрия Олеши «Зависть»).

2 Лотман обсуждает отношение семиосферы и реальности «дома» на примере романа Булгакова «Мастер и Маргарита».

3 Ср. [Volkov, 2000, p. 210-230].

ческие, социальные и «формирующие человека» цели с физической культурой [Esposito, 2011; Braun, Wiese, 2007; Pronger, 2002; Mangan, 2000]. Однако наряду с ядром схожих феноменов, приписываний и ожиданий, например, ярко выраженного культа тела, монументальной архитектуры или социальной политики, невозможно не заметить существенные различия. Они касаются структуры клубов, содержания спортсменов и функционеров, социальной базы отдельных дисциплин, культа героев и звезд, проектов новой телесности, этнонациональных контекстов, популярности и общественного признания видов спорта и не в последнюю очередь фанатских культур. В них наиболее непосредственным образом проявлялась транснациональная динамика спорта.

Уже советский язык коллективных форм 1930-х годов был отмечен характерной индивидуалистической чертой. Из диффузных биополитических концептов по созданию «нового человека», которые обсуждались в России начиная с рубежа веков, теперь выкристаллизовались мужской и женский идеальные типы [Mertin, 2009][1]. Их стройные, тренированные и юные тела, одетые в модные спортивные костюмы, грациозно оставляли позади себя все бытовые невзгоды, как и любого классового врага[2]. На этнически гетерогенной периферии империи продвижение современной физической культуры шло с различной скоростью. Некоторые женщины использовали возможности эмансипации, которые предлагал спорт. При этом они вступали в конфликт с патриархальными порядками, а иногда — и с переменчивым образом женщины, предлагавшимся центральной партийной элитой [Goscillo, Lanoux, 2006]. Международные фестивали молодежи и спартакиады, позже — чемпионаты мира и олимпиады допускали формы обмена и коммуникации, с трудом поддававшиеся контролю. Иерархический комплекс советского спорта натолкнулся на границы управляемости теми энергиями, что высвобождались во время игр и соревнований.

Благодаря исключительности и праздничности спортивных парадов и мега-событий различные общественные концепты получили чрезвычайно эффективное символическое наполнение. Этот процесс не был сопряжен с цезурами мировых войн. Несомненно, что олимпиады 1936 года в Берлине, 1962 года в Риме, 1972-го в Мюнхене или 1980-го в Москве проходили в сильно отличающихся исторических контекстах. Тем не менее они означают преемственность в примене-

1 Об амбивалентной роли спорта для равноправия женщин см. [Rowley, 2006].

2 Их яркие образы запечатлены, например, в спортивных картинах Дейнеки или в художественной спортивной фотографии той эпохи. Позже, во время холодной войны, к этому добавилась карикатура. Об этом см. [O'Mahony, 2006]. Русский перевод: [Махоуни, 2010].

нии и толковании олимпийской идеи, как и в транснациональной спортивной коммуникации, доказавшей свою эффективность, несмотря на разрывы между эпохами, идеологические противоречия и границы политических систем [Schiller, Young, 2010; Preuß, 2004; Tomlinson et al., 2011]. Проводя игры и иные спортивные мега-события, государства-организаторы стремились предстать на международной арене в выгодном свете, в качестве носителя технологического прогресса и современного образа жизни [Horne, 2006; Rowe, 1995].

Эти мега-события XX века не были нейтральными, скорее это альтернативное, инновационное переговорное пространство для мировой политики, правила которой здесь частично дублировались, частично дополнялись или подрывались. Спортсмены выполняли функции послов, представляли свою страну и официально выступали не в личных интересах. Особенно дифференцированно это можно показать на примере германско-советских спортивных отношений [Mertin, 2009; Прозуменщиков, 2004; Peppard, Riordan, 1993]. В послевоенную эпоху спорт прикрывал политическую реставрацию и сохранение авторитарных структур, но при этом указывал на политические изменения и символически опережал их или придавал культурным традициям новый лоск. Такого рода политическая инструментализация не ограничивалась Германией, Италией или Советским Союзом[1].

Спортивный стиль жизни

Насколько размытыми были границы между якобы принципиально отличными концептами спорта, показывают попытки теоретически легитимировать и представить в качестве уникальных спорт и физическую культуру в странах реально существующего социализма, т. е. в условиях холодной войны. На поверхностный взгляд спортивно-административные комплексы социалистического лагеря следовали советской модели. Однако постепенно там более или менее отчетливо проявлялись национальные варианты современного спорта [Wagg, Andrews, 2007; Malz et al., 2007]. Гимнастические и спортивные фестивали предполагали взаимодействие спортсменов, тренеров, хореографов и композиторов. Повсюду государственные медиа использовали всякое заметное культурное событие для его стилизации в качестве произведения искусства, отражающего реальное положение дел [Rowley, 2006; Roubal, 2005].

Эти массовые упражнения репрезентировали в господствующем дискурсе социалистический образ жизни. Пропагандисты

1 Ср. [Tagsold, 2002].

рассчитывали на особенный эстетический эффект в том случае, когда спорт высших достижений и массовый спорт представали как нераздельные. Чем лучше удавалось соединить их во время инсценировки, тем больше была уверенность в приближении к этосу социалистического спорта, который одновременно отражал этос социалистического соревнования[1]. Советскую модель приходилось не только адаптировать, но совершенствовать и в тенденции ре-национализировать[2].

Как социалистический образ жизни пришел к спорту или, наоборот, как современный спорт стал соединительной тканью советского стиля жизни, еще предстоит исследовать в рамках сравнительной истории спорта. Если спорт сильнее других элементов досуговой культуры захватывал общества XX века, причем в равной степени и диктатуры, и демократии, то, видимо, он изначально обладал мобилизационным потенциалом, как и эмансипаторной энергией. Вместе с оздоровительным туризмом и массовым потреблением он создал систему координат, отражавшую различные пути к модерности, которые могли быть сдвинуты по времени, иметь разные акценты и варианты. Об этом однообразном разнообразии свидетельствуют программы и концепты, способы легитимации и определения, семантика которых отличалась, несмотря на одни и те же понятия и метафоры.

Физическая культура и спорт стали несущими опорами проекта века по созданию «нового человека». Первая отвечала за эстетику и гармонию, второй — за динамику и изменения. С этой точки зрения, советский образ жизни развивался в рамках длившегося несколько десятилетий противоречивого процесса, прежде чем был кодифицирован в 1970-х годах [Столяров, Кравчик, 1979]. В нем соединились сохранившиеся в неизменном виде рудименты дебатов о гигиене 1920-х годов, советского канона 1930-х и модели «развитого советского человека» 1960-х годов [Смирнов, 1981; Григорьева 2008]. Образ спортивного человека при социализме никогда окончательно не терял оттенка классовой борьбы. Тем не менее он заметно утратил остроту с началом десталинизации и все большего перепле-

1 Об этом говорится в установочной статье 1977 года, посвященной физической культуре и спорту при социализме и их соотношению в рамках социалистического образа жизни. Она вышла в издававшемся в ГДР журнале «Теория и практика физической культуры» (цит. по [Jacob, 2000, s. 149]). Статья вышла в связи с VI Фестивалем гимнастического и спортивного союза ГДР и проходившей одновременно с ним VI Детской и юношеской спартакиадой, собравших примерно 61 500 участников, из которых около четверти участвовало в массовых постановках.

2 Ср. [Wilkinson Johnson, 2008, p. 59-64].

тения противоборствующих общественных систем. Революционный импетус раннесоветской двигательной культуры растворился в консерватизме опустошенной идеологии интеграции.

Часто говорилось о военных атрибутах советского спорта. Применительно к сфере состязаний, массовых действ или обязательных программ в школах и вузах это действительно верно в полной мере [Riordan, 1976; Mendelsohn, 1997]. Между тем физическая культура — в отличие от многочисленных кампаний 1920-х годов — постепенно все же вошла в повседневную культуру. В ходе нормализации жизни после Второй мировой войны, — когда стало сокращаться рабочее время и начали признавать, что трудящие нуждаются не только в отдыхе, но и в свободном времени и потреблении, — в тени большого спорта возникла многогранная система индивидуальных и коллективных занятий физкультурой и спортом [Reid, Crowly, 2000]. Вокруг больших спортивных клубов в столицах также возникали закрытые и аполитичные пространства для частной активности. По мере удаления от городских агломераций для этого часто отсутствовали инфраструктурные условия.

Альтернативные виды спорта и популярный у зрителей спорт в равной мере относились к сегментам советской повседневной жизни. Несмотря на множественные усилия и значительные инвестиции, официально пропагандируемый спорт наталкивался в сельской местности на непреодолимые границы. Даже школьный спорт или предложения со стороны региональных или местных спортивных обществ, промышленных и аграрных предприятий или со стороны профсоюзов и товариществ редко могли компенсировать нехватку снарядов и инвентаря. По сравнению со многими капиталистическими странами массовый спорт заметно отставал. Тем не менее гимнастика, подвижные игры и тренировки на выносливость относились к самоочевидным элементам здорового и сознательного образа жизни. Быть советским человеком в идеале означало быть активным в спортивном отношении.

Динамика и статика

Когда социализм вступил в стадию «стабильности» и на горизонте советских людей появился гарантированный минимальный жизненный стандарт, стала ослабевать готовность безоговорочно разделять по-прежнему пропагандировавшиеся вторичные ценности вроде дисциплины, коллективизма и товарищества, причем не только в общественном пространстве, но и во все более защищенной, нежели ранее, частной сфере [Beyrau, 2005; Rittersporn et al., 2003]. В отличие от производственной гимнастики или других совместных форм физической активности регулярные индивиду-

альные занятия утренней гимнастикой предполагали героическое преодоление себя. Они не сулили никакой непосредственной выгоды, требуя значительного уровня Я-ориентации и самодисциплины. Здесь проявлялся характерный для общественных установок и способов поведения разрыв между абстрактными конструкциями Мы-идентичности и повседневной практикой.

В этой переходной сфере между официальной культурой, которую принимали из-за собственной выгоды, и неофициальной сферой, в которой принуждение к конформизму ослабевало, возникали связанные со спортом субкультуры и альтернативные миры[1]. В чем именно заключался их специфический вклад в разрывы между официально-публичными и частно-публичными, т. е. между коллективными, индивидуальными или альтернативно-коллективными коннотациями, которые стали заметны с 1960-х годов, пока исследовано слабо [Siegelbaum, 2006; Вайль, Генис, 2001, с. 206-214].

Стилеобразующей для системы советского спорта, возникшей в 1930-х годах и потом существенно уже не менявшейся, была несомненная целеустремленность, казавшаяся безальтернативной. В отличие от амбивалентности модерна в целом и спорта, в частности, речь шла о выстраивании идеально-типической модели. С того времени глубоко укорененная вера в прогресс увязывалась с амбициозным оптимизмом планирования [Etzemüller, 2009; Doering-Manteuffel, 2008; Raphael, 1996]. Кто стремился к наилучшей организации и эффективности, тот не мог доверять своенравию игры и суггестивной силе спонтанности. Не случайно архитекторы спортивно-индустриального комплекса надеялись преодолеть эти дисбалансы путем регулирования. В их концептах воспитания нового человечества и формирования общественно функционального тела, разрабатывавшихся с начала XX века, отражались теории современной организации труда и транснациональной экспертной культуры, в которых физическое совершенство различным образом связывалось с психологическим дисциплинированием [Schattenberg, 2004; Beissinger, 1988; Kendall, 1981, p. 421-488; Tatur, 1979]. В дискурсах о физической культуре нашли резонанс тейлоризм, фордизм, биомеханика, психотехника, физиология и кибернетика. «Научность» гарантировала решение всех проблем. Нужно было лишь обучить и подготовить к практической работе необходимое количество экспертов для превращения громадной этнически, социально и культурно гетерогенной империи в единое целое.

1 На примере фанатских культур в футболе это рассмотрено в работах: [Zeller, 2010; Edelman, 2009].

Выбранная скорость преобразования страны очень скоро выявила разрыв между потребностью и наличием спортивных кадров, несмотря на огромные инвестиции в систему образования. Таким образом, привилегия спорта высших достижений была обусловлена не только стремлением обогнать буржуазный спорт по рекордам[1]. Скорее это в той же мере вытекало из нехватки ресурсов. Для повсеместного развития массового спорта требовались терпение и огромные деньги. Для продвижения такого успешного продукта, как большой спорт, более эффективными были СМИ, особенно радио и телевидение [Roth-Ey, 2007; Mickiewicz, 1988]. Они распространяли новое чувство непосредственного участия в происходящем. Одновременно они популяризировали зрительский спорт как форму пассивного потребления. Ярко выраженный технологический фетишизм усугублял ситуацию с нехваткой профессионально подготовленного персонала и инвентаря.

Спортивный истеблишмент был вынужден или постоянно осуществлять инновации, или заимствовать и адаптировать чужие научные и технические системы. Рекорды и культ звезд мало помогали в бедственном положении массового спорта в обществе потребления. Напротив, что касается ведущих атлетов, то спортивная наука, спортивная медицина и фармацевты сыграли определяющую роль в дальнейшем расширении границ возможного. Сейчас раскрыта «государственная тайна» ГДР, связанная с допингом. О положении с допингом в Советском Союзе известно лишь фрагментарно [Katzer, 2008].

Привилегированным выгодоприобретателем развития советских наук о человеке в 1930-е годы, несомненно, был спорт высших достижений после Второй мировой войны. Более того, оно стало стимулом, экспериментальным полем и движущей силой «научного социализма». К ранним формам научно-технологического комплекса, связанного с биологией, медициной, психологией и генетикой и значительно расширенного в гонке холодной войны за доминирование в *big sciences*, восходит советская спортивная медицина — междисциплинарное новшество, призванное соответствовать возросшим требованиям комплексной сферы применения [Kojevnikov, 2004; Ivanov, 2002; Ср. Gestwa, 2010; Graham, 1998].

После игры

Было бы ошибочно думать, что советские спортивные функционеры и атлеты после революции свернули со столбовой дороги современ-

1 Начиная с 1952 года советские команды на 20 мировых спортивных событиях 16 раз становились первыми в общем зачете.

ного спорта и пошли особым путем. Как раз наоборот, они раньше других распознали мировой тренд на рационализацию телесных практик и последовательно следовали ему. Возводя его в основной принцип, они тем самым предвосхитили дальнейшее развитие, ставшее доминирующим в мировом спорте после Второй мировой войны. Не только сциентизация спортивной сферы, но также ее коммерциализация и медиализация получили сильные импульсы благодаря соперничеству систем. Соперничество за лучшие методы искусственной оптимизации тела следовало основному пути глобальной истории спорта.

Армейский спорт и производственная гимнастика в свое время были не менее спорными, чем другие более поздние концепты совершенствования. Принуждение к ускорению, нормированию и совершенству связывало спорт с миром труда. Причины, почему советский социализм с самого начала склонялся к тому, чтобы регламентировать и систематизировать телесную активность и двигательную культуры, заключались в особой исторической ситуации после Первой мировой войны и революции, а также в хронической слабости административных структур в России. Лидеры большевиков в отличие от консервативных элит в собственной стране или от рабочего движения и политических левых в Великобритании привлекли внимание к аргументу, что спорт может быть фактором господства и гибким ресурсом при строительстве социализма [Hargreaves, 1987, p. 157].

Как только зазвучали призывы к борьбе с гидрой «отсталости», протагонисты спорта ожидали от него чудодейственных эффектов. Как и мутировавший из пролетарского в советский спорт, так и социальная и национальная политика немного позже была направлена на этническую гомогенизацию и на создание советского народа. Уже из программ военизированных курсов времен Гражданской войны, когда неграмотные крестьянские сыновья за короткое время должны были пройти подготовку к вступлению в ряды бойцов Красной Армии, вытекал жесткий режим экономии времени и обучения. Сформированная в 1930-е годы программа «Готов к труду и обороне» (ГТО) представляла собой исключение из правил и продолжалась до позднесоветского времени [Деметер, 2005, с. 210-212]. Она утратила свою интегративную и мобилизирующую силу лишь тогда, когда участие в ней превратилось в простую рутину. Модернизационный импульс через спорт был в основном утрачен советским обществом к концу 1970-х годов.

Роль государства как главного спонсора системы спорта никогда не вызывала сомнений. Разветвленная система вознаграждения и привилегий связывала спорт с армией, спецслужбами, предприятиями и профсоюзами. Успехи в спорте высших достижений и самоописание Советского Союза как «спортивной нации» и «ускоренно раз-

вивающегося социалистического общества» объясняются не только государственной монополией, но также в существенной мере основаны на этих патримониальных сетевых структурах. «Государственный любитель» был встроен в клиентские отношения с патроном (меценатом) внутри ведомства, предприятия или массовой организации[1]. Соответственно было бы ошибочно приравнивать растущую роль постсоветских олигархов в спорте с американскими инвесторами.

Более перспективным было бы исследовать взаимосвязь между моделью спорта и социальным порядком не только на примере одного конкретного случая[2]. Сегодня значимость физической культуры и спорта в глазах русского населения сильно понизилась. Если официальная новая Россия вновь стремится войти в круг могущественных организаторов современных мега-событий, то подавляющее большинство населения отвернулось от всякой спортивной активности. Вместе с Олимпиадой 2014 года, Чемпионатом мира по футболу 2018 года и гонками «Формулы-1» российское правительство в течение одного года завоевало три трофея в современной охоте за превосходством в мировом спорте. Однако к началу этих мега-событий предстоит вернуть медийному спорту зрителей и потребителей, поскольку он также пользуется лишь ограниченной популярностью[3]. От *homo sovieticus sportivus* вряд ли осталось еще что-то, кроме ностальгических воспоминаний. Его воспитание в качестве варианта современного спортсмена осталось незавершенным экспериментом, как и попытка превратить «пролетарский спорт» в эксклюзивную модель в мировом масштабе[4].

Библиография

Вайль П., Генис А. (2001) *60-е. Мир советского человека*, М.: НЛО, 2001.

Григорьева Н. (2008) Запрос на игру: Homo ludens 1930–1940-х годов как предвосхищение общества развлечений 1960-х годов. Тюпа В.И., Федунина О.В. (сост.) *Социокультурный феномен шестидесятых*, М.: РГГУ.

Деметер Г. (2005) *Очерки по истории отечественной физкультуры и олимпийского движения*, М.: Советский спорт.

1 Ср. в целом применительно к этому аспекту: [Oberender, 2008].

2 Образцовым в этом отношении является исследование, которое преимущественно посвящено американскому примеру: [Ball, Loy, 1975].

3 См. статистический материал в публикации [Дубин, 2004].

4 В качестве примера проблематичности идеологического, но также и предметного различия между «нейтральным», т. е. классово не привязанным спортом, и капиталистическим, социалистическим или рабочим спортом см. [Wagner, 1931].

Дубин Б.В. (2004) Спорт в современных обстоятельствах: пример России. *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2(70): 70-80.

Малышева С.Ю. (2005) *Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927)*, Казань: Рутен.

Махоуни М. (2010) *Спорт в СССР. Физическая культура — визуальная культура*, М.: Новое литературное обозрение.

Прозументщиков М.Ю. (2004) *Большой спорт и большая политика*, М.: РОССПЭН.

Смирнов Г.Л. (1981) *Советский человек: формирование социалистического типа личности*, М.

Столяров В.И., Кравчик З. (сост.) (1979) *Спорт и образ жизни: Сборник статей*, М.: Физкультура и спорт.

Хмельницкая И.Б. (2011) *Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва*, М.: Новый хронограф.

Ball D.W., Loy J.W. (eds) (1975) *Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport*. Massachusetts, London.

Beissinger M. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, Cambridge: Harvard University Press.

Bernstein F.L., Burton C., Healey D. (eds) (2010) *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science*, DeKalb: Northern Illinois University Press.

Beyrau D. (2005) Das sowjetische Modell — ÜberFiktionenzu den Realitäten. Peter Hübner, Christoph Kleßmann, Klaus Tenfelde (Hg.). *Arbeiter im Staatssozialismus. Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit*, Köln; Weimar; Wien: Böhlau: 47-70.

Borenstein E. (2000) *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929*, Durham, London: Duke University Press: 125-161.

Braun J., Wiese R. (Hg.) (2007) *Sport und Diktatur. Zurpolitischen und sozialen Rolle des Sports in den deutschen Diktaturen des 20. Jahrhunderts*, Köln.

Cavanaugh C.M. (2001) *Backwardness and Biology. Medicine and Power in Russia and Soviet Central Asia, 1868–1934*. (Diss.), New York.

Doering-Manteuffel A. (2008) Ordnungjenseits der politischen Systemeim 20. Jahrhundert. *Geschichte und Gesellschaft*, 34: 398-406.

Edelman R. (2009) *Spartak Moscow. The people's team in the workers' state*, Ithaca: Cornell University Press.

Esposito F. (2011) *Mythische Moderne. Aviatik, Faschismus und die Sehnsucht nach Ordnung in Deutschland und Italien*, München: Oldenbourg Verlag.

Falasca-Zamponi S. (1997) *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*, Berkeley: University of California Press.

Gaßner H., Gillen E. (1994) Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie im ästhetischen Schein. Hubertus Gaßner, Irmgard Schleier, Karin Stengel (Hg.). *Agitation zum Glück*, Bremen: 27-59.

Gestwa K. (2010) *Die Stalinschen Grossbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967*, München: Oldenbourg.

Goscillo H., Lanoux A. (eds.) (2006) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Gournot A. (1998) Between Revolutionary Demands and Diplomatic Necessity: The Uneasy Relationship between Soviet Sport and Worker and Bourgeois Sport in Europe from 1920 to 1937. P. Arnaud, J. Riordan (eds). *Sport and International Politics: The Impact of Fascism and Communism on Sport*, London: Routledge: 184-209.

Gournot A. (2002) *Die Rote Sportinternationale 1921–1937. Kommunistische Massenpolitik im europäischen Arbeitersport*, Münster: LIT Verlag.

Graham L.R. (1998) *What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?* Stanford: Stanford University Press.

Hargreaves J. (1987) *The Body, sport and power relations. Sport, Leisure and Social Relations*, London; New York: Routledge & Kegan Paul.

Horne J. (2006) *Sports Mega-Events. Social Scientific Analyses of a Global Phenomenon*, Malden: Blackwell.

Ivanov K. (2002) Science after Stalin. Forging a New Image of Soviet Science. *Science in Context*, 15 (2): 317-338.

Jacob S. (2000) *Sport im 20. Jahrhundert: Werden, Wirklichkeit, Würdigun geinessozio kulturellen Phänomens*, Marburg an der Lahn: Tectum Verlag.

Katzer N. (2008) Am Rande der Vollkommenheit: Aspekte einer Geschichte sowjetischer Körperoptimierung. Klaus Latzel, Lutz Niethammer (Hg.). *Hormone und Hochleistung: Doping in Ost und West*, Köln: Böhlau: 205-230.

Kendall E.B. (1981) The American Connection. Ideology and the Transfer of American Technology to the Soviet Union. *Comparative Studies in Society and History*, 23: 421-488.

Keys B.J. (2006) *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*, Cambridge: Harvard University Press.

Kojevnikov A.B. (2004) *Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists*, London: Imperial College Press.

Krüger A., Riordan J. (eds) (1996) *The Story of Worker Sport*, Champaign: Human Kinetics.

Krüger M. (1996) *Körperkultur und Nationsbildung: Die Geschichte des Turnens in der Reichsgründungsära — eine Detailstudie über die Deutschen*, Schorndorf: Hofmann Verlag.

Livers K.A. (2001) The Soccer Match as Stalinist ritual: Constructing the Body Social in Lev Kassil's The Goalkeeper of the Republic. *The Russian Review*, 60: 592-613.

Lotman Ju.M. (2010) *Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S. (Hg.) (2007) *Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropasim 19. Und 20. Jahrhundert*, Osnabrück: fibre.

Mangan J.A. (1999) *Shaping the Superman. Fascist Body as Political Icon*, London: Routledge.

Mangan J.A. (ed.) (2000) *Superman supreme. Fascist Body as Political Icon — Global Fascism*, London: Frank Cass.

McReynolds L. (2003) *Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Ithaca: Cornell University Press.

Mendelsohn E. (1997) Science, Scientists, and the Military. John Krige, Dominique Pestre (eds): *Science in the Twentieth Century*, Amsterdam: 175–202.

Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26: 469-483.

Mertin E. (2003) *Sowjetisch-deutsche Sportbeziehungenim "Kalten Krieg"*, SanktAugustin: Academia Richarz Verlag.

Michaels P.A. (2003) *Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin' Central Asia*, Pittsburg: University of Pittsburgh Press.

Mickiewicz E. (1988) *Split Signals. Television and Politics in the Soviet Union*, New York: Oxford University Press.

O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture*, London: Reaktion Books.

Oberender A. (2008) Die Partei der Patrone und Klienten. Formen personaler Herschaftunter Leonid Brežnev. Anette Schumann (Hg.) *Vernetzte Improvisationen. Gesellschaftliche Subsysteme in Ostmitteleuropa und in der DDR*, Köln: Böhlau: 57-76.

Peppard V., Riordan J. (1993) *Playing Politics. Soviet Sport Diplomacy to 1992*, Greenwich: JAI Press.

Petrone K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington: Indiana University Press.

Preuß H. (2004) *The Economics of Staging the Olympics. A Comparison of the Games 1972–2008*, Cheltenham: Elgar E.

Priestland D. (2007) *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power, and terror in Interwar Russia*, Oxford: Oxford University Press.

Pronger B. (2002) *Body fascism. Salvation in the Technology of Physical Fitness*, Toronto: University of Toronto Press.

Raphael L. (1996) Die Verwissenschaftlichung des Sozialenalsmethodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts. *Geschichte und Gesellschaft*, 22: 165-193.

Reid S.E., Crowly D. (eds) (2000) *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*, Oxford, New York: Berg Publishers.

Riordan J. (1976) *Sport and the Military (With Special Reference to the USSR)*, Bradford.

Rittersporn G., Rolf M., Behrends J.C. (Hg.) (2003) *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*, Frankfurt am Main, New York: Peter Lang.

Rolf M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*, Hamburg: Hamburger Edition, HIS Verlag.

Roth-Ey K. (2007) Finding a Home for Television in the USSR, 1950–1970. *Slavic Review*, 66: 278-306.

Roubal P. (2005) "Today the Masses Will Speak". Mass Gymnastic Displays as Visual Representation of the Communist State. Arnold Bartetzky (Hg.). *Neue Staaten — neue*

Bilder? Visuelle Kultur im Dienststaatlicher Selbstdarstellung in Zentral- und Osteuropaseit 1918, Köln: Böhlau Verlag: 323-336.

Rowe D. (1995) *Popular Cultures. Rock Music, Sport and the Politics of Pleasure*, London: Sage Publications: 122-143.

Rowley A. (2006) Sport in the Service of the State. Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917–1941. *The International Journal of the History of Sport*, 23: 1314-1340.

Ruffini M., Sivulka J. (2005) *Die historische Entwicklung der Sokolbewegung in Böhmen und Mähren im 19 und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Bezug auf das Deutsche Turnen*. (Philos Diss.), Bremen.

Rüting T. (2002) *Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland*, München: Oldenbourg Verlag.

Sanborn J.A. (2003) *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press: 137-139.

Schattenberg S. (2004) Stalinismus in den Köpfen. Ingenieure konstruieren ihre Welt. *Geschichte und Gesellschaft*, 30: 94-117.

Schiller K., Young C. (2010) *The 1972 Munich Olympics and the Making of Modern Germany*, Berkley: University of California Press.

Siegelbaum L.H. (ed.) (2006) *Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia*, New York: Palgrave Macmillan.

Starks T. (2008) *The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*, Madison: University of Wisconsin Press.

Stites R. (1989) *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press: 145-164.

Tagsold C. (2002) *Die Inszenierung der kulturellen Identität in Japan. Das Beispiel der Olympischen Spiele in Tokio*, München: Iudicium-Verlag.

Tatur M. (1979) *Wissenschaftliche Arbeitsorganisation. Arbeitswissenschaften und Arbeitsorganisation in der Sowjetunion 1921–1935*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.

Etzemüller Th. (Hg.) (2009) *Die Ordnung der Moderne. Social Engineering im 20. Jahrhundert*, Bielefeld: transcript.

Tomlinson A., Young C., Holt B. (eds.) (2011) *Sport and the Transformation of Modern Europe. States, Media and Markets 1950–2010*, London; New York: Routledge.

Vaingurt J. (2008) Poetry of Labor and Labor of Poetry: The Universal Language of Alexei Gastev' Biomechanics. *The Russian Revue*, 67: 209-229.

Volkov V. (2000) The Concept of kul'turost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. Sheila Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions*, London: Routledge: 210-230.

Wagg S., Andrews D.L. (eds.) (2007) *East Plays west: Sport and the Cold War*, London: Routledge.

Wagner H. (1931) *Sport und Arbeitersport*, Berlin: Büchergilde Gutenberg.

Washburn J.N. (1955/1956) Sport as a Soviet Tool. *Foreign Affairs*, 34, (1/4): 490-499.

Wilkinson Johnson M. (2008) *Training Socialist Citizens. Sports and the State in the State in East Germany*, Leiden, Boston: Brill: 59-64.

Zeller M. (2010) The Second Stalingrad: Soccer Fandom, Popular Memory and the Legacy of the Stalinist Past. N. Katzer, S. Budy, A. Köhring, M. Zeller (eds). *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*, Frankfurt; New York: Campus: 201-224.

References

Ball D.W., Loy J.W. (eds.) (1975) *Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport*, Massachusetts, London.

Beissinger M. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, Cambridge: Harvard University Press.

Bernstein F.L., Burton C., Healey D. (eds) (2010) *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science*, DeKalb: Northern Illinois University Press.

Beyrau D. (2005) Das sowjetische Modell — ÜberFiktionenzu den Realitäten. Peter Hübner, Christoph Kleßmann, Klaus Tenfelde (Hg.). *Arbeiter im Staatssozialismus. Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit*, Köln; Weimar; Wien: Böhlau: 47-70.

Borenstein E. (2000) *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929*, Durham, London: Duke University Press: 125-161.

Braun J., Wiese R. (Hg.) (2007) *Sport und Diktatur. Zurpolitischen und sozialen Rolle des Sports in den deutschen Diktaturen des 20. Jahrhunderts*, Köln.

Cavanaugh C.M. (2001) *Backwardness and Biology. Medicine and Power in Russia and Soviet Central Asia, 1868–1934*. (Diss.), New York.

Demeter G. (2005) *Ocherki po istorii otechestvennoj fizkul'tury i olimpijskogo dvizheniya [Essays on the history of national physical culture and the Olympic society]*, M.: Sovetskij sport.

Doering-Manteuffel A. (2008) Ordnungjenseits der politischen Systemeim 20. Jahrhundert. *Geschichte und Gesellschaft*, 34: 398-406.

Dubin B.V. (2004) Sport v sovremennyh obstoyatel'stvah: primer Rossii [Sport in modern circumstances: the example of Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii [Public Opinion Bulletin: Data. Analysis. Discussions]*. 2(70): 70-80.

Edelman R. (2009) *Spartak Moscow. The people's team in the workers' state*, Ithaca: Cornell University Press.

Esposito F. (2011) *Mythische Moderne. Aviatik, Faschismus und die Sehnsucht nach Ordnung in Deutschland und Italien*, München: Oldenbourg Verlag.

Etzemüller Th. (Hg.) (2009) *Die Ordnung der Moderne. Social Engineering im 20. Jahrhundert*, Bielefeld: transcript.

Falasca-Zamponi S. (1997) *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*, Berkeley: University of California Press.

Gaßner H., Gillen E. (1994) Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie im ästhetischen Schein. Hubertus Gaßner, Irmgard Schleier, Karin Stengel (Hg.). *Agitation zum Glück*, Bremen: 27-59.

Gestwa K. (2010) *Die Stalinschen Grossbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967*, München: Oldenbourg.

Goscillo H., Lanoux A. (eds.) (2006) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*, DeKalb: Northern Illinois University Press.

Gournot A. (1998) Between Revolutionary Demands and Diplomatic Necessity: The Uneasy Relationship between Soviet Sport and Worker and Bourgeois Sport in Europe from 1920 to 1937. P. Arnaud, J. Riordan (eds). *Sport and International Politics: The Impact of Fascism and Communism on Sport*, London: Routledge: 184-209.

Gournot A. (2002) *Die Rote Sportinternationale 1921–1937. Kommunistische Massenpolitik im europäischen Arbeitersport*, Münster: LIT Verlag.

Graham L.R. (1998) *What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?* Stanford: Stanford University Press.

Grigor'eva N. (2008) Zapros na igru: Homo ludens 1930–1940-h godov kak predvoskhishchenie obshchestva razvlechenij 1960-h godov [Request for the game: Homo ludens 1930–1940-th as an anticipation of the entertainment society of the 1960s]. Tyupa V.I., Fedunina O.V. (sost.) *Sociokul'turnyj fenomen shestidesyatyh [Sociocultural phenomenon of the sixties]*, M.: RGGU.

Hargreaves J. (1987) *The Body, sport and power relations. Sport, Leisure and Social Relations*, London; New York: Routledge & Kegan Paul.

Hmel'nickaya I.B. (2011) *Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX-veka: Peterburg i Moskva [Sports societies and leisure in the capital city of the beginning of the XX century: Petersburg and Moscow]*, M.: Novyj hronograf.

Horne J. (2006) *Sports Mega-Events. Social Scientific Analyses of a Global Phenomenon*, Malden: Blackwell.

Ivanov K. (2002) Science after Stalin. Forging a New Image of Soviet Science. *Science in Context*, 15 (2): 317-338.

Jacob S. (2000) *Sport im 20. Jahrhundert: Werden, Wirklichkeit, Würdigun geinessozio kulturellen Phänomens*, Marburg an der Lahn: Tectum Verlag.

Katzer N. (2008) Am Rande der Vollkommenheit: Aspekte einer Geschichte sowjetischer Körperoptimierung. Klaus Latzel, Lutz Niethammer (Hg.). *Hormone und Hochleistung: Doping in Ost und West*, Köln: Böhlau: 205-230.

Kendall E.B. (1981) The American Connection. Ideology and the Transfer of American Technology to the Soviet Union. *Comparative Studies in Society and History*, 23: 421-488.

Keys B.J. (2006) *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*, Cambridge: Harvard University Press.

Kojevnikov A.B. (2004) *Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists*, London: Imperial College Press.

Krüger A., Riordan J. (eds) (1996) *The Story of Worker Sport*, Champaign: Human Kinetics.

Krüger M. (1996) *Körperkultur und Nationsbildung: Die Geschichte des Turnens in der Reichsgründungsära — eine Detailstudie über die Deutschen*, Schorndorf: Hofmann Verlag.

Livers K.A. (2001) The Soccer Match as Stalinist ritual: Constructing the Body Social in Lev Kassil's The Goalkeeper of the Republic. *The Russian Review*, 60: 592-613.

Lotman Ju.M. (2010) *Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Mahouni M. (2010) *Sport v SSSR. Fizicheskaya kul'tura — vizual'naya kul'tura [Sport in the USSR. Physical culture — visual culture]*, M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Malysheva S.YU. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927) [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]*, Kazan': Ruten.

Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S. (Hg.) (2007) *Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropasim 19. Und 20. Jahrhundert*, Osnabrück: fibre.

Mangan J.A. (1999) *Shaping the Superman. Fascist Body as Political Icon*, London: Routledge.

Mangan J.A. (ed.) (2000) *Superman supreme. Fascist Body as Political Icon — Global Fascism*, London: Frank Cass.

McReynolds L. (2003) *Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Ithaca: Cornell University Press.

Mendelsohn E. (1997) Science, Scientists, and the Military. John Krige, Dominique Pestre (eds): *Science in the Twentieth Century*, Amsterdam: 175-202.

Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26: 469-483.

Mertin E. (2003) *Sowjetisch-deutsche Sportbeziehungenim "Kalten Krieg"*, SanktAugustin: Academia Richarz Verlag.

Michaels P.A. (2003) *Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin' Central Asia*, Pittsburg: University of Pittsburgh Press.

Mickiewicz E. (1988) *Split Signals. Television and Politics in the Soviet Union*, New York: Oxford University Press.

O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture*, London: Reaktion Books.

Oberender A. (2008) Die Partei der Patrone und Klienten. Formen personaler Herschaftunter Leonid Brežnev. Anette Schumann (Hg.) *Vernetzte Improvisationen. Gesellschaftliche Subsysteme in Ostmitteleuropa und in der DDR*, Köln: Böhlau: 57-76.

Peppard V., Riordan J. (1993) *Playing Politics. Soviet Sport Diplomacy to 1992*, Greenwich: JAI Press.

Petrone K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington: Indiana University Press.

Preuß H. (2004) *The Economics of Staging the Olympics. A Comparison of the Games 1972–2008*, Cheltenham: Elgar E.

Priestland D. (2007) *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power, and terror in Interwar Russia*, Oxford: Oxford University Press.

Pronger B. (2002) *Body fascism. Salvation in the Technology of Physical Fitness*, Toronto: University of Toronto Press.

Prozumenshchikov M.YU. (2004) *Bol'shoj sport i bol'shaya politika [Great sport and big politics]*, M.: ROSSPEHN.

Raphael L. (1996) Die Verwissenschaftlichung des Sozialenalsmethodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts. *Geschichte und Gesellschaft*, 22: 165-193.

Reid S.E., Crowly D. (eds) (2000) *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*, Oxford, New York: Berg Publishers.

Riordan J. (1976) *Sport and the Military (With Special Reference to the USSR)*, Bradford.

Rittersporn G., Rolf M., Behrends J.C. (Hg.) (2003) *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt am Main, New York: Peter Lang.

Rolf M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*, Hamburg: Hamburger Edition, HIS Verlag.

Roth-Ey K. (2007) Finding a Home for Television in the USSR, 1950–1970. *Slavic Review*, 66: 278-306.

Roubal P. (2005) "Today the Masses Will Speak". Mass Gymnastic Displays as Visual Representation of the Communist State. Arnold Bartetzky (Hg.). *Neue Staaten — neue Bilder? Visuelle Kultur im Dienststaatlicher Selbstdarstellung in Zentral — und Osteuropaseit 1918*, Köln: Böhlau Verlag: 323-336.

Rowe D. (1995) *Popular Cultures. Rock Music, Sport and the Politics of Pleasure*, London: Sage Publications: 122-143.

Rowley A. (2006) Sport in the Service of the State. Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917–1941. *The International Journal of the History of Sport*, 23: 1314-1340.

Ruffini M., Sivulka J. (2005) *Die historische Entwicklung der Sokolbewegung in Böhmen und Mähren im 19 und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Bezug auf das Deutsche Turnen*. (Philos Diss.), Bremen.

Rüting T. (2002) *Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland*, München: Oldenbourg Verlag.

Sanborn J.A. (2003) *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*, DeKalb: Northern Illinois University Press: 137-139.

Schattenberg S. (2004) Stalinismus in den Köpfen. Ingenieure konstruieren ihre Welt. *Geschichte und Gesellschaft*, 30: 94-117.

Schiller K., Young C. (2010) *The 1972 Munich Olympics and the Making of Modern Germany*, Berkley: University of California Press.

Siegelbaum L.H. (ed.) (2006) *Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia*, New York: Palgrave Macmillan.

Smirnov G.L. (1981) *Sovetskij chelovek: formirovanie socialisticheskogo tipa lichnosti [Soviet man: the formation of a socialist type of personality]*, M.

Starks T. (2008) *The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison: University of Wisconsin Press.

Stites R. (1989) *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press: 145-164.

Stolyarov V.I., Kravchik Z. (sost.) (1979) *Sport i obraz zhizni: Sbornik statej [Sport and way of life: Collection of articles]*, M.: Fizkul'tura i sport.

Tagsold C. (2002) *Die Inszenierung der kulturellen Identität in Japan. Das Beispiel der Olympischen Spiele in Tokio*, München: Iudicium-Verlag.

Tatur M. (1979) *Wissenschaftliche Arbeitsorganisation. Arbeitswissenschaften und Arbeitsorganisation in der Sowjetunion 1921–1935*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.

Tomlinson A., Young C., Holt B. (eds.) (2011) *Sport and the Transformation of Modern Europe. States, Media and Markets 1950–2010*, London; New York: Routledge.

Vaingurt J. (2008) Poetry of Labor and Labor of Poetry: The Universal Language of Alexei Gastev' Biomechanics. *The Russian Revue,* 67: 209-229.

Vajl' P., Genis A. (2001) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka [The 60th. The world of the Soviet man]*, M.: NLO, 2001.

Volkov V. (2000) The Concept of kul'turost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. Sheila Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions*, London: Routledge: 210-230.

Wagg S., Andrews D.L. (eds.) (2007) *East Plays west: Sport and the Cold War*, London: Routledge.

Wagner H. (1931) *Sport und Arbeitersport*, Berlin: Büchergilde Gutenberg.

Washburn J.N. (1955/1956) Sport as a Soviet Tool. *Foreign Affairs*, 34, (1/4): 490-499.

Wilkinson Johnson M. (2008) *Training Socialist Citizens. Sports and the State in the State in East Germany*, Leiden, Boston: Brill: 59-64.

Zeller M. (2010) The Second Stalingrad: Soccer Fandom, Popular Memory and the Legacy of the Stalinist Past. N. Katzer, S. Budy, A. Köhring, M. Zeller (eds). *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*, Frankfurt; New York: Campus: 201-224.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Катцер Н. (2018) Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры. *Социология власти*, 30 (2): 206-230.

Katzer N. (2018) Die sportive Gesellschaft als ideale Ordnung. Zum sowjetischen Konzept der Körperkultur. *Sociology of Power*, 30 (2): 206-230.

Поступил в редакцию: 07.06.2018; принят в печать: 12.06.2018